

В. А. Рабинович¹

О НЕКОТОРЫХ ИДЕОЛОГЕМАХ В СМИ И... «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

«Панславянский патриотизм», «коренные–некоренные народы», «традиционные–нетрадиционные религии», «враг внешний и враг внутренний»... Все эти расхожие идеологемы некоторые исследователи стараются вычитать из «Слова...» и, более того, чуть ли не всю последующую историю России стараются вычитать из него же. Не получается...

Предлагается новая интерпретация этого замечательного произведения древнерусской литературы, на открытие которой потратил столько лет Дмитрий Сергеевич Лихачев.

В начале было *рокотаху*...

Что за «рокотаху» такое и почему оно в начале? А если в начале, то в начале чего? А может быть, это гул, восставший по-над водою, когда над нею носился Божий дух? Но воды-то еще не было, она была лишь в замышлении второго дня, а Дух уже носился над нею, вдохновляя творца на творческие дела?

Ветер дул, оттого и гул. И сулил «неслыханные перемены, невиданные мятежи», как предположил, правда по другому случаю, А. Блок.

Итак, начинается песня о ветре,
О ветре, обутом в солдатские гетры,
О гетрах, идущих дорогой войны,
О войнах, которым стихи не нужны.

Войнам, согласно В. Луговскому, — да. А вот стихам? Не прорицают ли они все на свете, в том числе и это лихо?..

Но... *рокотаху*. Что это? Существительное, глагол, деепричастие? Самодеяние...

В навеянном «Цветочками» св. Франциска стихотворении «Ах, братец Одуванчик...», которое написано лет 30 тому назад, одуванчик и другие жители лугов мне отвечали так:

Себя не сознаваху,
Ни плоть свою, ни дух,
Они в ответ сказаву,
Пролепетаху вслух...

Что они мне тогда сказали, сейчас неважно; а важно то, что *пролепетаху вслух*.

А еще раньше было «Слово о полку Игореве» (впервые — в школе, во второй раз — в Литературном институте), где струны «сами славу князьям рокотали» (то есть *рокотаху*). Так начиналось «Слово...» Так начиналась русская словесность. Так, по «Слову...» начиналась история моего отечества, и моя в том числе.

И все это — в *рокотаху*? Или все-таки не все? Так ли уж *сами струны рокотали* или, может быть, кто-то с их помощью рокотал? Сами — не сами, но *рокотаху*.

А теперь и в самом деле начнем...

«Начаться же этой песне по былям нашего времени, а не по обычаю Боянову». Так начинается «Слово о полку Игореве» о проигранном князем и его воинством сражении с половцами в 1185 году.

¹ Заведующий сектором «Языки культуры» Российского института культурологии (Москва), доктор философских наук, кандидат химических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Автор более 700 научных трудов, в том числе книг: «Алхимия как феномен средневековой культуры», «Образ мира в зеркале алхимии: от стихий и атомов древних до элементов Бойля», «Исповедь книгогоча, который учил букве, а укреплял дух», «Человек в культуре. Введение в метафорическую антропологию», и стихотворных сборников «В каждом дереве скрипка», «Фиолетовый грач», «Синица ока».

Член Союза журналистов Москвы, Союза писателей Москвы, Международного ПЕН-клуба и исполкома Русского ПЕН-центра.

Кто сочинил «Слово...»?

Представлено два образа сочинителя: два Бояна — два поэта. Один — давний — поет по обычаю. Другой — летописный, поет, так сказать, с натуры, но начинает как истинный гуслиар (аэд, рапсо́д, ашуг или акын). Как все всегда начинают, когда затевают песнь. Затывают летописание как песнопение. Но все дело в том, *как* они это начинают.

Первый — вещий — Боян начинает так: «...если кому хотел песни слагать, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками, ибо помнил он, говорят, прежних времен усобицы. Тогда напускал он десять соколов на стаю лебедей, и какую лебедь достигал сокол — та первой и пела песнь старому Ярославу, храброму Мстиславу, зарезавшему Редю перед полками косожскими, прекрасному Роману Святославичу». Такой вот был языческого замеса вещий Боян: язычески напускал соколов на лебедей, и первая смертельно раненая лебедь должна была славить вместе со всей его родней Мстислава, зарезавшего князя косо́гов (черкесов) Редю. Вот какой был этот вещий Боян — поэт, славящий патристическое зверство песнею умирающей лебеди:

...Пела древний киевский престол,
Поединок славил старинный,
Где Мстислав Редю заколол
Со своей косожскою дружиной.
И Роману Красному хвалу
Пела лебедь, падая во мглу.

Этот фрагмент дан в переводе поэта-лирика Н. Заболоцкого. Сам сюжет хамски языческий, варварски дикий, но и лирически нежный — «пела лебедь, падая во мглу».

Что же получается? Редю мертв (так ему и надо). Мертва и лебедь, павшая жертвой языческого ритуала. А Боян растекается себе мыслию по древу, серым волком рыщет по полю и под облаком парит орлом. Мог бы и лебедь заклевать своим орлиным клювом — под стать тому языческому соколу. Вот каким мог быть поэт «Слова...» Такая возможность, не реализованная в «Слове...», «аукнулась» в «Скифах» Блока:

...Виновы ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В суровых нежных наших лапах?!

Варварская — скифская — на голубом глазу невинность, а по сути хамский нахрап.

А Боян — поэт «Слова...» — иной. Он — поэт-лирик. И представлен он так (в оригинале): «Боян же, братие, не десять соколов на стадо лебедей пушаше, нъ своя вещия пръсты на живая струны въскладаше, они же сами князем славу рокотаху».

В переводе В. Жуковского:

«Боян же, братия, не десять соколов на стадо лебедей пускал, он вещие персты свои на живые струны вскладывал. И сами они славу князьям рокотали».

В переводе О. Творогова:

«А Боян, братья, не десять соколов на стаю лебедей напускал, но свои вещие персты на живые струны возлагал, а они уже сами славу князьям рокотали».

В переводе Н. Заболоцкого:

Но не десять соколов пускал
Наш Боян, но, вспомнив дни былые,
Вещие персты он подымал
И на струны возлагал живые, —

Вздрагивали струны, трепетали,
Сами князьям славу рокотали.

Каждый переводчик предпочитает в чем-то одном быть точным, соглашаясь на приблизительность в другом. Но все они точны в том, что не сам Боян — вещий (в отличие от языческого предшественника), а персты его вещи. Они вещают. На ощупь точны. Точно возлагают себя на струны. В Жуковский вдобавок точен в переводе глагола «вскладаше»: «вскладывал». Но у всех переводчиков *струны живые* и рокочут *сами*.

Почти бесконтактно (так сказать, «легким манием руки») рождается каждое слово поэмы — славословное, словославное... Невоинственное. Чистое. «В звонко-звучной тишине» (В. Брюсов). На всю Русь. Но не великую, не третьеримскую. Не «от Москвы до самых до окраин». Славословие — словославие из пусть большого, но *одного* гнезда — с Киевом на Днепре посередине. А в небольшом отдалении Тмутаракань, Корсунь, Тамань, Сурож, Путивль и малые речки-притоки днепровские и донские. Вот и вся Русь. Семейная. Которую можно петь и каждого в ней князя — сына, брата, шурина, деверя, отца или деда — любить и славить. Хорошо! А если воспарить орлом, или белой лебедью, или нежною голубкой, или чайкой плачущей, то можно всю землю разом обозреть — милую и родную. Вот она, возможность лирического слова!

Но замесы варварской прапамяти сшибаются и клокочут. Зарезанный Редедя-черкес на виду у своих — чужих. Сокол клевачий. И лебедь, поющая свою последнюю песню. Велесова прапамять жива. А вещий Боян, внук Велеса, будь он автором «Слова...», спел бы: «Кони ржут за Сулой — звенит слава в Киеве! Трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле...» И вот уж не соколы, а стая галок несется к Дону. Войско наизготове. Но солнце затмилось. А страсть воина князю ум охватила, и желание изведать Дона Великого оказалось сильнее предзнаменования. «Хочу, — сказал, — копье преломить на границе поля Половецкого, с вами, русичи, хочу либо голову сложить, либо шлемом испить из Дона».

А можно было бы, вняв природному страху-предзнаменованию, петь и петь себе, внимая рокоту струн. Ведь они *сами* вздрагивали и *сами* трепетали, оставаясь у начала песни — при своем *рокотаху*. И эта возможность тоже «аукнется» в русском стихе XX века. У О. Мандельштама, который «Лепет из опыта лепит // И лепет из опыта пьет», у Б. Окуджавы, удивленного тем, «Как умеют эти руки // Эти звуки извлекать!» — единственное, что умеют хорошо делать русские люди (русские поэты) на своей русской земле!

Но... нейдет. Но... шлея под хвост. Руки чешутся. Лирическое скучает по эпическому. И тогда лира — по барабану. *Рокотаху* самозабвенного гусяра забили орлы своим клеткотом: «Зверей на кости зовут». А «лисицы брешут на червленые щиты». Еще одна возможность — на этот раз имперская — отзовется через века: державинская «птичка военна снегирь».

И вот уже третий Боян — натуральный автор «Слова...» — затаил свою летописно-эпическую песню, соскользнув с того, с чего начал Боян № 2, — с нежнейшего *рокотаху* в глухую поноховщину боя. Тоже песня, но кровавая песня войны.

Вернуться бы к лире — лепечущему *рокотаху*, мурлыкающему лепету!

И вправду: лирическое *рокотаху* настраивает на лирический лад иные голоса поэмы: златословие увещательной мудрости Святослава и ритуальный плач Ярославны на городской стене, чтобы у всех на виду. Эти два голоса назначены окоротить-приструнить кимвалы бряцающие.

Само льется умнословие Святослава, точится слезолибие Ярославны. Но — всем князьям на послух. Но — любимому мужу, хотя и на миру, предназначен этот красивый взрыд.

Святослав — князьям: «Не вздымайте более стягов своих, вложите в ножны мечи свои затупившиеся <...> в своих распрях начали вы призывать поганых на землю Русскую, на достояние Всеславова. Из-за усобиц ведь началось насилие от земли Половецкой! <...> Не было тут ни брата Брячислава, ни другого — Всеволода, так он один и изронил жемчужную душу из храброго своего тела через золотое ожерелье. Приуныли голоса, сникло веселье. Трубы трубят городенские».

Н. Заболоцкий это место переложит так:

И в смертный час на помощь храбру мужу
Никто, о братья, в бой не поспешил.
Один в степи свою жемчужну душу
Из храброго он тела изронил.
Через золотое, братья, ожерелье
Ушла она, покинув свой приют.
Печальны песни, замерло веселье,
Лишь трубы городенские поют.

Золотой плач Святослава под аккомпанемент «труб городенских» как бы без трубача. Плач по тихой возможности жить и радоваться. Жить — дружно, а радоваться — тоже вместе, по-семейному, по-родственному.

Выпавшую из тела израненную душу услышала Ярославна и на виду у всей малой Руси ответила плачем: «Полечу <...> чайкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на горячем его теле». Пусть далее восплачет Н. Заболоцкий слезами несчастной Ярославны, не желающей прирастать чужими землями, хотя и вражескими половецкими, но чужими.

И вновь лирическая инвектива природным — языческим — силам. Схождение двух Боянов в мелосе Ярославны. Но солирует голос Бояна второго, когда плачет *сам* плач. Пусть ритуально. Но *сам!* В лирической подпевке реву стихии:

Что ты, ветер, злобно повеваешь,
Что клубишь туманы у реки,
Стрелы половецкие вздымаешь,
Мечешь их на русские полки?
Чем тебе не любо на просторе
Высоко под облаком летать?
Корабли лелеять в синем море,
За кормою волны колыхать?
Ты же, стрелы вражеские сея,
Только смертью веешь с высоты.
Ах, зачем, зачем мое веселье
В ковыли навек развеял ты?

Великая Русь еще только будет. А Российское царство с Москвою-Римом (хотя и третьим) и в страшном сне не мнится.

Но... памятники литературы Древней Руси — это литература, хотя и средневековая, великой России, со всеми банальными идеологемами, прицепленными к этому величию (в смысле величины) и захватившими в свой идеологический полон даже гениального Д. С. Лихачева — Колумба этой литературы. Вот что он пишет: «В “Слове о полку Игореве” остро ощущается воздух Русской истории». Отсюда «монументальный исторический стиль “Слова...”»

Я бы сказал не «воздух Русской истории», а воздух русской поэзии всего русского поэтического тысячелетия.

И поэтического авангарда тоже — «рокотаху». И академик Лихачев это тоже чувствует: «...монументальность и глубокий средневековый историзм, придающий “Слову” при всей его *лиричности* (курсив мой. — В. Р.) своеобразную эпичность: это как бы плач и слава всей Русской земле в ее огромных пределах, в ее глубокой исторической перспективе»¹.

Д. С. Лихачев не может не отметить лиричность «Слова...», но — «как бы плач». Не *как бы*, а просто плач! А *перспектива* из «Слова...» не следует. Она — задним числом, потому что «Слова...» — чистая лирика с возможностями поэтического во всем разнообразии форм и тропов: природного, хищного; миролюбиво-бранчливого — внутрисемейного; героического. Но прежде всего — это лирическая поэма, которая начинается с плача — самооткровенного *рокотаху*, им же — *рокотаху* — и заканчивается. Плач во славу...

Что же получается?

Слово *sacra*венно. Творяще и творимо сразу. Оно — любвеобильно, потому и филологично. Естественно, то есть логично. Как любовь. Гнездо речевых жестов.

Культура же возделывает Землю. Объемлет пространства и времена. Вселюдна и всесветна. Жива в каждом отдельно, поселяя их всех как родных во времена и пространства. Становится фонетической средой для этих самых речевых жестов.

Но слово генетически начальней. Оно индуцирует пространства и времена — то одну в них культуру, то другую. Во множестве географий, представленных разными биографиями. Жизнями поэтов, которые по-разному структурируют (= центрируют) пространства. У А. Блока, О. Мандельштама и Б. Окуджавы мы это уже видели. Прибавим к сему метафорику Кавказа, например, как она дана А. Пушкиным («Кавказ подо мною») или Б. Пастернаком («Кавказ был весь как на ладони, // Он был как мягкая постель»).

Если слово (повторю еще раз) филологично, то культура культурологична. Но вторая индуцирована первым — музыкальным *рокотаху* как первословом. А далее — выбор: либо то, либо другое.

А. Межиров написал:

Какая музыка была,
Какая музыка играла,
Когда и души, и тела
Война проклятая попала!

Но у него же в том же стихотворении сказано:

Играли яростно, навзрыд,
Одной единой страсти ради,
На полустанке инвалид
И Шостакович в Ленинграде.

Так окликнулось «Слова...» спустя восемь столетий.

Каждый отмеряет *свой путь*, идет *своей дорогой*. Но *тракт истории* общий. Совпадут ли?..

Прошел слух о поэте Пушкине по всей великой Руси, а внук славян, дикий тунгус и степной калмык славят его порознь и каждый по-своему.

«Тихая моя родина» Н. Рубцова или село Радово С. Есенина и всесветный СССР В. Маяковского — это тоже та же страна. Выбирай любую! Покуда моя родная страна все еще широка. И тогда история (политическая, куль-

турная и всякая другая, то есть историческая культурология) — всего лишь иллюстративный материал к поэтическому, то есть лирическому по преимуществу? Ретроспектива как перспектива? Так или иначе? Иначе или все-таки так?

Россия маленькая — Россия великая — Россия улица или двор. Россия дома или семья... Потому и любимая.

«Приуныли голоса, сникло веселье, трубы трубят городенские». Рокочут...

А теперь приличествующие случаю мои стихи «Происхождение бубна»:

Равен самому себе
И проверен в ратном деле,
Бубен полковой в себе
Слушал лепеты свирели.
Зрил: вдоль медленной реки,
Может быть, в районе Истры,
Молодые шли быки,
Не вполне еще басисты.
Бубенцами шли, звеня,
Что играли меж рогами.
Глянцевые зеленя
Росными цвели звездами.
Пламенел тюльпан-цветок
Под шмелем, гудящим трубно.
Солнца дымный ободок
Отдавал себя для бубна.
Неба голубая жесть
В такт бубенчикам брэнчала.
Майским утром, ровно в шесть,
Вспомнил все свои начала.
Так он, старый, представлял
Посреди небес и мая,
Как он, юный, выросал,
Ничего еще не зная,
Из прекрасного добра
С лентой красно-голубою,
Предназначен для добра,
А назначенный для боя.
Вспомнил. И вострепетал,
Воспротивясь назначению
Своему... Возлепетал,
Приглашая к примиренью.
Заклучив мечи в ножны,
В дула ружей вставив розы,
Стали маршалы нежны,
А солдаты лили слезы.
Их солдат и наш солдат,
От вражды едва опомнясь,
Засмолили самосад
И откупорили емкость.
Маршал их и маршал наш
Трубку мира раскурлили,
Оперлись на палаш
И шампанское распили...
Млеко, вересковый мед,
Росы, ковыли, зефиры,
Стада медленного ход,
Ливней золотые лиры...
Жить забвением начал
Или сгнать при начале?
Сочиняйте по ночам
Розовые пасторали.

¹ Лихачев Д. С. Литература эпохи «Слова о полку Игореве» // Памятники литературы Древней Руси: XII век / сост., общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М., 1980. С. 19. (Памятники лит. Древней Руси).